

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-22-32>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Игорь Борисович Данилов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плеханова, д. 10

0615222@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется процесс институционализации национально-регионального управления в Российской империи. Выявляются концептуальные противоречия, присущие данному процессу. Определяются их сущность и природа, оценивается влияние на формирование системы регионального управления. К числу наиболее значимых проблем отнесены: противоречие имперского автономизма политике административной централизации, дивергенция подходов к бюрократизации, смешение на местах территориальной и отраслевой систем управления.

Ключевые слова: национально-территориальное устройство; национально-государственное устройство; региональное управление; местная власть; бюрократизация; автономизация; империя; Российская империя; министерство; генерал-губернатор; губернатор.

Для цитирования: Данилов И. Б. Институциональное оформление национально-государственного устройства Российской империи в XVIII – начале XX вв. // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 22–32. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-22-32>

Research Article

INSTITUTIONAL FORMATION OF THE NATIONAL-STATE STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Igor B. Danilov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10 Plakhotny St.,
Novosibirsk, 630108, Russia
0615222@mail.ru

Abstract

The article examines the process of institutionalization of national-regional governance in the Russian Empire. The conceptual contradictions inherent in this process are identified. Their essence and nature are determined, and their influence on the formation of the regional governance system is assessed. The most significant problems include the contradiction between imperial autonomy and the policy of administrative centralization, the divergence of approaches to bureaucratization, and the mixing of territorial and sectoral governance systems at the local level.

Keywords: national-territorial structure; national-state structure; regional governance; local government; bureaucratization; autonomization; empire; Russian empire; ministry; governor-general; governor.

For citation: *Danilov I. B. Institutional Formation of the National-State Structure of the Russian Empire in the 18th – Early 20th Centuries. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 22–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-22-32>*

Введение

Формирование системы регионального управления в Российской империи XVIII – начала XX вв. представляет собой сложный неоднозначный процесс, осуществлявшийся в условиях значительного противоречия имевших место подходов и векторов политического развития государства. Одновременное существование тенденций централизации государственного управления и децентрации власти в отношении новоприобретенных территорий с особым статусом создавало чрезвычайно специфические условия для реализации единой последовательной региональной политики. Задача унификации управления формулировалась на уровне высшей власти, но не могла быть успешно решена в рамках имперской парадигмы развития государства. Вместе с тем постоянное расширение государства, присоединение новых самобытных территорий требовали от правительства решения задач

их интеграции в бюрократическую систему, выстраивания эффективной архитектуры властных отношений «центр-регионы» с целью органичного включения новых социальных общностей в единое цивилизационное пространство империи.

Столь своеобразные условия существования Российского государства и уникальные задачи, стоящие перед ним в описанный период, порождают значительный интерес в научных кругах к обозначенной теме. Региональное управление в Российской империи XVIII – начала XX вв. являлось предметом глубокой научной разработки в монографических трудах таких известных современных специалистов, как С. В. Кодан [1], Н. И. Красняков [2], Л. Е. Лаптева [3], а также в значительном числе публикаций других исследователей, представленных в науке. Институционализация государственного регионального управления в Российской империи получает в них обстоятельное рассмотрение, однако изучается, как правило, в контексте эволюции государственного аппарата, происходящей в ходе развития государства и в связи с проводимыми государственными реформами. В настоящем исследовании предпринимается попытка изучения указанного феномена в разрезе тех глубинных процессов и явлений, которые обуславливали его противоречивую природу. Особое внимание уделяется коренным противоречиям, заложенным в основу регионального управления, дивергенции подходов, на которых основывалась реформаторская политика государства. Предпринимается попытка выявления сущности и природы данных противоречий, а также их влияния на процесс и результат построения модели местной власти в государстве.

1. Бюрократизация государственного управления

Институционализация государственного управления территориями Российской империи представляла собой непрерывный процесс, длившийся в течение всего периода XVIII – начала XX вв. и характеризовавшийся значительной социальной динамикой. Историки государства и права той эпохи отмечают, что она осуществлялась в условиях перехода от самодержавно-земского порядка к самодержавно-бюрократическому [4, с. 31]. Реализация различного рода правовых актов государственной власти становилась функцией бюрократии центрального, регионального и местного уровней, что предопределяло особые требования к согласованности их действий и общей сбалансированности управленческого аппарата.

Между тем сама бюрократизация управления осуществлялась в условиях принципиального противоречия существующих подходов. Убежденные сторонники самодержавия по традиции твердо придерживались установки, что во главе российских губерний должны стоять доверенные лица императора, в то время как приверженцы рационализации государственного управления территориями выступали против самой идеи о том, что вся ключевая бюрократия должна складываться из доверенных лиц государя, отдавая предпочтение формальным критериям занятия должностей. Однако, несмотря на неоднократные попытки изменения сложившейся идеологии, она оставалась непоколебимой. В 80-е гг. XIX в. К. П. Победоносцев, ближайший советник Александра III, по-прежнему убежденно говорил, что «Российское государство имело более персоналистский, нежели институциональный, характер, опиралось в значительной мере не на институты, а на

людей. Такое понимание особенностей российской государственности приводило... к выводу о том, что любые проекты преобразования государственного строя сами по себе ничтожны, бессмысленны, что никакие отдельные меры не приведут к улучшению государственного управления, если на высших должностях не будет достойных людей, способных эффективно действовать в интересах своего народа» [5, с. 206–207]. Исследователи утверждают, что именно по причине такого понимания природы государственной власти в российской традиции «бюрократия» оставалась словом ругательным, тесно связанным с бесконтрольностью и безответственностью [6, с. 198–199].

Чиновники в период Российской империи традиционно сохраняли личную зависимость от императора, не обладали механизмами правовой защиты от произвольного увольнения с должности, понижения или перемещения. Формальные критерии поступления на должность и требования к профессионализму служащего также уступали место личному расположению и доверию монарха. Указанные обстоятельства существенным образом препятствовали проведению всех реформ, нацеленных на оптимизацию государственного управления регионами.

2. Административная централизация и унификация регионального управления

Другой глубинной проблемой институционального оформления национально-государственного устройства Российской империи являлось неразрешимое противоречие между политикой автономизации, с одной стороны, и стремлением к унификации государственного управления, с другой стороны. Создание особых правовых режимов для вновь присоединяемых территорий обеспечивало легитимацию государственной власти и способствовало их интеграции в единое цивилизационное пространство империи. Сохранение местных законов и обычаев, органов и структур управления, конфессиональных прав населения, привилегий местных элит позволяло обеспечить лояльность новых подданных и бесконфликтно включить их в состав единого государства. Вместе с тем одновременное существование в одном государстве общеимперской и местных правовых систем, наличие разнородных органов власти, различного объема прав и полномочий отдельных территорий негативно сказывались на формировании единого политического ландшафта империи и противоречили основам неделимой самодержавной власти. Деятельность центральных правительственных учреждений по унификации системы управления территориями, таким образом, сталкивалась с объективным препятствием, обусловленным самой природой империи как особой формы государства.

Решение обозначенной проблемы осуществлялось также в рамках имперской парадигмы. Формирование системы регионального управления производилось путем проведения двойственных мер. С одной стороны, обеспечивались автономия национальных регионов, сохранение их обычаев, культуры, традиций государственности. Гарантировались их самостоятельность и обособленность местной власти. С другой стороны, центральная власть, выступая на началах кооперации с местными элитами, формировала у них потребность к интеграции и включению в общеимперское

пространство с целью защиты существовавших местных «прав и привилегий» перед верховной властью. Таким образом, местные элиты органично включались в общую социальную систему и способствовали инкорпорации всего региона в единую политико-правовую структуру имперского государства. Н. И. Красняков объясняет подобную компромиссную национально-региональную политику дуалистической формационно-цивилизационной природой имперского государства [2, с. 159].

3. Проблемы организации системы государственных органов управления территориями

Организация эффективной системы управления регионами представляла собой сложную задачу, не утрачивавшую актуальность в течение всего имперского периода России. Объективные проблемы заключались в удаленности территорий от центра, их большой протяженности, значительном различии в уровнях политического, социально-экономического, культурного развития, своеобразии местных традиций и укладов. Субъективные проблемы состояли в общей ведомственной разобщенности, смешении отраслевого и регионального управления, при котором не была четко определена компетенция различных органов по управлению делами региона, не выстроена иерархия их соподчиненности и не выработаны механизмы взаимодействия. Один и тот же вопрос мог одновременно находиться в ведении разных государственных и местных органов, что приводило к общей неразберихе и нарушению нормального функционирования власти на местах. Переход к министерской модели привел к появлению в регионах особых органов министерского (отраслевого подчинения), что и породило одновременное существование территориальной и отраслевой линий власти. Обладая схожей природой властью и объемом полномочий, но при этом не имея четкого разделения предметов ведения, различные органы не находили возможности для координации своих действий. Указанная проблема ясно осознавалась и видными государственными деятелями той эпохи. Так, например, с критикой системы управления, созданной М. М. Сперанским, публично выступал действовавший министр финансов Российской империи Д. А. Гурьев, указывая на очевидное «смешение властей» как в центре, так и в регионах [7, с. 149]. Вносила свой вклад и значительная асимметрия государственного устройства, преодолеть которую государство было не в состоянии по объективным причинам, описанным выше.

Для анализа природы и причин указанных проблем в организации деятельности государственного аппарата необходимо проанализировать его структуру, а также способы организации горизонтальных и вертикальных связей. Модель управления территориями в классический период развития Российской империи представляла собой систему, включавшую в себя несколько уровней.

Первый уровень был представлен главным доверенным лицом императора в регионе. Основой системы регионального управления в течение всего имперского периода России, вплоть до его окончания, выступал институт наместничества. Высшим должностным лицом региона, реализующим эту функцию, традиционно выступал генерал-губернатор, чей статус значительно менялся на протяжении XVIII – начала XIX вв. Если при Петре I данная должность носила исключительно

представительский характер, по существу являясь почетным титулом, которым награждались наиболее приближенные к императору губернаторы, то уже при Екатерине II она приобрела реальное значение, став главным связующим звеном между центральной и местной властью. Генерал-губернатор рассматривался как орган верховного управления, прежде всего надзора за административной и судебной властью в губернии. Являясь одновременно и председателем губернского правления, он также осуществлял широкий круг исполнительных и распорядительных функций. Видный советский историк права Г. В. Вернадский характеризует генерал-губернаторство как «особый вид центральных властей, действующих, однако, в ограниченном районе». М. М. Сперанский, подчеркивая указанное свойство, называл генерал-губернатора «министерством, действующим на месте» [8, с. 100–101]. Политическая природа данного института, таким образом, с течением времени видоизменилась от кормленчества до полноценного управления регионом.

Следует отдельно подчеркнуть тот факт, что генерал-губернатор, непосредственно подчиняясь и действуя в соответствии с общеимперским законодательством, осуществлял высший контроль и надзор за местными учреждениями, управлявшимися зачастую в соответствии с местными нормами и установлениями. Это определяло двойственность характера правового регулирования его деятельности.

Отдельное положение в структуре местного управления занимал губернатор. После проведения губернской реформы и утверждения Екатериной II «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи» губернаторы стали исключительно гражданскими чиновниками, не осуществлявшими функций военного управления [9]. Формально в административной вертикали они стояли ниже генерал-губернаторов, находились под их надзором, но обладали достаточно широкой компетенцией.

С появлением министерств губернаторы стали играть роль распорядительных органов, утратив политическую функцию и постепенно превращаясь в агентов министерств, одновременно отдаляясь от личного контроля императора. Особенно тесной связью они обладали с Министерством внутренних дел.

Формально оставаясь в непосредственном подчинении императору, к началу XX в. большая часть решений губернаторов должна была согласовываться министерствами. Из записки министра внутренних дел В. К. Плеве (1903 г.) следует, что губернатор должен был получить одобрение министерства даже для того, чтобы разрешить проведение благотворительных лотерей, собраний, лекций, выставок. Одобрения из Санкт-Петербурга требовали и назначения в здравоохранение [6, с. 202]. Кроме того, само прошение об аудиенции у императора подавалось через Министерство внутренних дел, что позволяло последнему отслеживать и контролировать подобные контакты. Губернаторы назначались на должность и увольнялись императором по представлению министра, представляли отчеты о положении дел в губернии также в Министерство. С 1864 г. вплоть до начала XX в. эти отчеты носили еженедельный характер, что характеризует степень подконтрольности губернаторов МВД.

Другой характерной чертой института губернаторства являлось сочетание чрезвычайно широкой компетенции, высокой личной ответственности и при этом за-

урядных деловых качеств самих губернаторов. Это было связано с тем, что после утраты самостоятельного политического значения и подчинения министерствам должность губернатора оказалась непривлекательной для близких к верховной власти лиц и зачастую предоставлялась немолодым военным служащим или губернским чиновникам. Часто они не имели высшего образования или получали только военное образование [10, с. 211]. Еще худшим образом обстояли дела со служащими губернских администраций. Неквалифицированность и отсутствие требуемых навыков, недостаток жалования приводили к чрезвычайно низкому качеству их докладов и отчетов. В силу этого центральная власть зачастую просто не имела адекватного представления о положении дел в регионах. О масштабе проблемы свидетельствует тот факт, что в декабре 1895 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин лично обращался в Комитет министров с жалобой на некомпетентность и ненадежность губернаторских отчетов. Содержащиеся в них сведения были недостоверны, зачастую повторяясь из года в год, их невозможно было свести и использовать для анализа и оценки реальной ситуации [11, с. 233].

Таким образом, должность губернатора совмещала в себе, по сути, три роли: представителя императора, главы системы губернского надзора и защитника прав, чиновника системы МВД [6, с. 202]. Неконкретность его полномочий (к ним относился самый широкий круг вопросов), неочевидная роль в структуре государственной власти и неопределенный характер его взаимодействия с императором, с одной стороны, и с системой министерств, с другой стороны, значительно затрудняли проведение рационализации бюрократической системы, которая к указанному моменту представлялась объективно необходимой.

На следующем уровне системы организации управления регионами в Российской империи располагался Сенат как основной надзорный орган. В силу того, что он начиная со второй четверти XVIII в. утратил значительную часть своих полномочий, им осуществлялись преимущественно функции наблюдения за управлением делами региона и своевременное информирование об их состоянии других государственных органов. Сенат проводил ревизии, но не принимал самостоятельных решений по их результатам. Он передавал материалы соответствующих проверок на рассмотрение императора, Государственного совета или Комитета министров. Департаменты Сената также выступали высшими апелляционными инстанциями для губернских судов. Отдельно в его составе учреждались департаменты по делам автономных территорий.

Следующее звено управления территориями составляли министры и министерства. Они осуществляли функцию отраслевого управления, которое зачастую смешивалось с территориальным, порождая управленческую рассинхронизацию. Основной задачей министерств являлось оперативное регулирование профильных сфер жизнедеятельности регионов по вопросам, отнесенным к их полномочиям. Для решения этих задач министерствами создавались департаменты в регионах, которые были призваны регламентировать местное управление в соответствующей отрасли. При этом в самой местности уже существовали изначальные органы управления, с которыми они неминуемо вступали в противоречие. Дублирование функций порождало параллелизм в деятельности всего механизма государства

и способствовало возникновению неразберихи. При этом двойственность положения министерства была заложена уже в самой модели министерского устройства. М. М. Сперанский по этому поводу указывал: «Таким образом, министерское устройство будет иметь два вида: один общий, в коем все дела разделяются по предметам, другой местный, в коем все дела разделяются по округам» [8, с. 100–101].

Первоначально министерства создавались как учреждения политического характера, которые должны были связать императора и местное управление. По замыслу центральной власти министры должны были занять место посредников между главой государства и местным управлением, сосредоточив предметом своей ответственности только руководящие и контролирующие функции [12, с. 100–108]. На деле же из-за разрастания системы министерских департаментов они выполняли совсем другую функцию. Российский правовед той эпохи О. К. Нотович по поводу самостоятельности департаментов отмечал: «Департаментская централизация поглотила проектированную правительством децентрализацию и земские учреждения из «особого органа одной и той же государственной власти» обратились в подобие частных контор» [13, с. 148].

Другим уровнем управления регионами в Российском государстве можно определить Комитет министров и Государственный совет, которые выполняли схожие функции – обсуждение и согласование различных преобразований в административном аппарате, способствующих повышению эффективности территориального управления. Проекты реорганизации предлагались императору к утверждению.

Для фактической реализации утвержденных проектов реформ в регионах учреждались Высшие временные территориальные комитеты. Исходя из своего предназначения они осуществляли конкретные меры по проведению в жизнь замысла центральной власти. В XIX в. действовали следующие территориальные комитеты: Сибирский, Кавказский, комитет по делам финляндским, комитет по делам Царства Польского и комитет западных губерний. Последние три имели недолговременный характер.

Само возникновение высших комитетов как органов власти было связано с бюрократической централизацией государственного аппарата. Вопросы текущего управления перемещались из низших государственных звеньев в высшие и центральные учреждения, в силу чего задачи общего руководства и правового регулирования не могли решаться с необходимой оперативностью. Для этой цели императором и были учреждены высшие комитеты. Они представляли собой немногочисленные, но зачастую наделенные огромными полномочиями группы особо приближенных к Николаю I чиновников, пользующихся его личным доверием. Комитеты часто привлекались для составления или обсуждения законопроектов, касающихся соответствующих регионов.

Последним уровнем централизованного управления регионами можно назвать министров статс-секретарей, которые в пределах особых территорий, имевших целостное самостоятельное местное законодательство (Финляндия и Польша), напрямую докладывали императору о состоянии дел в этих регионах. Кроме того, они представляли соответствующие доклады местным парламентам для более эффективного осуществления ими правотворческих функций. Глубинной функцией

института статс-секретариата являлось обеспечение связи между монархом и региональным управлением в обход правительственных учреждений. По этой причине министры статс-секретари назначались, как правило, из среды наиболее авторитетных местных чиновников и общественных деятелей.

Значительным своеобразием обладала система управления в Великом Княжестве Финляндском и Царстве Польском. Особый статус этих территорий, который в некоторых научных трудах того времени определялся как статус самостоятельных государств [14, с. 193], предопределял сохранение множества местных органов власти, существовавших до присоединения территорий к России. Политико-правовая интеграция данных образований в состав империи осуществлялась в русле «административной русификации», которая особых результатов не принесла. В науке отмечается, что распространение русской культуры, языка и православной веры не способствовало достижению цели установления единой системы органов управления [15, с. 250–251]. В Финляндии и Польше массово продолжали действовать местные органы и учреждения, подчинявшиеся местным же законам. Ликвидация широкой автономии здесь принудительно началась лишь во второй половине XIX в. после восстания в Польше в 1863 г.

Заключение

Политика административной централизации, унификации государственного управления на местах и ликвидации правовой обособленности регионов осуществлялась вплоть до конца имперского периода Российского государства и характеризовалась длительностью и незавершенностью. Представляется, что само ее проведение несколько противоречило принципам существования имперского государства, поскольку не соотносилось с гибкостью, присущей процессам интеграции новых территорий в общее имперское пространство. Выстраивание единой универсальной модели управления на всей территории Российской империи не способствовало легитимации имперской власти в ее национальных регионах, которые к тому же зачастую находились на приграничных территориях и испытывали значительное влияние иностранных государств.

Анализ процесса институционализации национально-государственного управления территориями Российской империи позволяет заключить, что он происходил в условиях существования множественных противоречий, имеющих фундаментальный характер. Невозможность определения единого вектора региональной политики и направления проводимых реформ приводила к проявлению в государственном аппарате свойств рассинхронизации и разбалансированности, а в самом государственном устройстве – сопутствующего партикуляризма. Представляется, что характер данных противоречий был во многом неразрешимым, что предопределило неуспешность административной централизации и унификации управления территориями Российской империи в течение всего периода XVIII – начала XX вв.

Пристатейный библиографический список

1. *Кодан С. В., Февралева С. А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX вв.) : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.
2. *Красняков Н. И.* Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX вв.) : монография. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2023.
3. *Лаптева Л. Е.* Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М. : Изд-во ИГиП РАН, 1998.
4. *Богословский М. М.* Из истории верховной власти в России. 2-е изд. Пг., 1918.
5. *Томсинов В. А.* Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М. : Зерцало-М, 2013.
6. *Лаптева Л. Е.* Эволюция управления центральными губерниями в России XIX – начала XX века // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 3.
7. *Гурьев Д. А.* Об устройстве верховных правительств в России // Государство Российское: власть и общество: с древнейших времен до наших дней : сборник докладов : [учебное пособие для вузов по направлению и специальности «История»] / под ред. Ю. С. Кукушкина. М. : Наука, 1996.
8. *Вернадский Г. В.* Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв. : (Период империи). Прага : Пламя, 1924.
9. Учреждения для управления губерний всероссийской Империи. М., 1775.
10. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978.
11. *Дятлова Н. П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения / отв. ред. В. В. Бедин. Л. : Наука, 1964.
12. *Стрельников А. О.* Об ответственности министров в имперской России // Вестник МПГУ. Юридические науки. 2019. № 3 (35).
13. *Нотович О. К.* Основы реформ местного и центрального управления. СПб., 1882.
14. *Алексеев А. С.* Русское государственное право. Конспект лекций. М., 1892.
15. *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб. : Европейский дом, 1997.

References

1. *Kodan S. V., Fevraleva S. A.* Local Law of National Regions in the Russian Empire (Second Half of the 17th – Early 20th Centuries): Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2014. (In Russ.)
2. *Krasniakov N. I.* Russian Empire: Experience of Governing National Regions (Mid-17th – Early 20th Centuries): Monograph. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publishing and Printing Center, 2023. (In Russ.)
3. *Lapteva L. E.* Regional and Local Government in Russia (Second Half of the 19th Century). Moscow: Institute of Geology and Law of the Russian Academy of Sciences Publishing House, 1998. (In Russ.)

4. *Bogoslovskii M. M.* From the History of the Supreme Power in Russia. 2nd ed. Petrograd, 1918. (In Russ.)
5. *Tomsinov V. A.* Constitutional Issue in Russia in the 60s – Early 80s of the 19th Century. Moscow: Zertsalo-M, 2013. (In Russ.)
6. *Lapteva L. E.* Evolution of the Governance of the Central Provinces in Russia in the 19th – Early 20th Centuries. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 3. (In Russ.)
7. *Guriev D. A.* On the Structure of Supreme Governments in Russia. In *Kukushkin Iu. S. (ed.)*. The Russian State: Power and Society: From Ancient Times to the Present Day: Collection of Reports: [Textbook for Universities in the Direction and Specialty “History”]. Moscow: Nauka, 1996. (In Russ.)
8. *Vernadskii G. V.* Essay on the History of Law of the Russian State of the 18th–19th Centuries: (The Period of the Empire). Prague: Plamia, 1924. (In Russ.)
9. Institutions for the Governance of the Provinces of the All-Russian Empire. Moscow, 1775. (In Russ.)
10. *Zaionchkovskii P. A.* Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century. Moscow: Mysl, 1978. (In Russ.)
11. *Diatlova N. P.* Governors’ Reports as a Historical Source. In *Bedin V. V. (ed.)*. Problems of Archival Science and Source Study. Leningrad: Nauka, 1964. (In Russ.)
12. *Strelnikov A. O.* On the Responsibility of Ministers in Imperial Russia. *Bulletin of Moscow Pedagogical State University. Legal Sciences*, 2019, no. 3 (35). (In Russ.)
13. *Notovich O. K.* Fundamentals of Local and Central Government Reforms. St. Petersburg, 1882. (In Russ.)
14. *Alekseev A. S.* Russian State Law. Lecture Notes. Moscow, 1892. (In Russ.)
15. *Polvinen T.* State and Outskirts. N. I. Bobrikov – Governor-General of Finland 1898–1904. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 1997. (In Russ.)

Сведения об авторе:

И. Б. Данилов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

I. B. Danilov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 11.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 21.10.2024; approved after reviewing 11.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.